

Н. И. ПИРОГОВЪ

КАКЪ

ПЕДАГОГЪ-АДМИНИСТРАТОРЪ.

А. Алферовъ.

Изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“.

МОСКВА.

Типо литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер. свой домъ.

1897.

Н. И. ПИРОГОВЪ

КАКЪ

ПЕДАГОГЪ-АДМИНИСТРАТОРЪ.

А. Алферовъ.

Изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“.

МОСКВА.

Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер. свой домъ.

1897.

Н. И. Пироговъ, какъ педагогъ-администраторъ.

Лучше оказать болѣе довѣрія и тѣмъ, которые его не совсѣмъ заслуживаютъ, нежели мало довѣрять вполнѣ заслуживающимъ.

Н. Пироговъ.

Мы всѣ знаемъ, что нужно почитать стариковъ... но не всѣ знаютъ, что молодость должно уважать.

Н. Пироговъ.

Въ іюлѣ 1856 года въ журналѣ „Морской сборникъ“ появилась статья „Вопросы жизни“. Статья оправдывала свое названіе и призывала русское общество всмотрѣться и безпристрастно вдуматься въ существовавшую тогда постановку воспитанія и во всю громадность общественнаго значенія правильной постановки этого дѣла. Написанная откровенно, мужественно, мѣтко и горячо, статья обратила на себя общее вниманіе, и даже дала сильный толчокъ развитію въ Россіи педагогической литературы. Авторъ этой статьи былъ весьма извѣстный врачъ и общественный дѣятель — Николай Ивановичъ Пироговъ. Высота нравственной личности этого человѣка, его даровитость, довѣріе, которое онъ успѣлъ вызвать къ себѣ въ огромномъ большинствѣ своихъ мыслящихъ соотечественниковъ, наконецъ яс-

пость его педагогическихъ стремлений, выраженныхъ въ статьѣ „Вопросы жизни“; — все это вмѣстѣ внушило мысль тогдашнему министру народнаго просвѣщенія А. С. Норову — предложить Пирогову взять на себя обязанности попечителя Одесскаго учебнаго округа. Предложеніе это было принято, и 3 сентября 1856 г., черезъ полтора мѣсяца послѣ появленія въ печати статьи, состоялось назначеніе Пирогова исправляющимъ должность попечителя Одесскаго учебнаго округа. Меньше, чѣмъ черезъ 2 года, 18 іюля 1858 г., онъ былъ назначенъ попечителемъ въ Кіевскій учебный округъ, а 13 марта 1861 года въ министерство Е. П. Ковалевскаго состоялось увольненіе Пирогова отъ должности попечителя. Такимъ образомъ, его дѣятельность какъ педагога-администратора продолжалась всего $4\frac{1}{2}$ года.

Само собой разумѣется, что при такой кратковременности его попечительства, нельзя и говорить о какихъ-нибудь прочныхъ послѣдствіяхъ его дѣятельности, о созданіи какого-нибудь типа школы, или объ установленіи какой-нибудь постоянной педагогической или административной традиціи. Попечительство Пирогова скорѣе можно разсматривать, какъ въ высшей степени интересный примѣръ разнаго рода начинаній со стороны свѣтлой и сильной личности въ очень пестромъ по своимъ взглядамъ обществѣ; его попечительство представляетъ собою только ту первую ступень всякаго полезнаго созиданія, которая начинается вскрытіемъ существующаго зла, откровеннымъ и гласнымъ его признаніемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указаніемъ той руководящей мысли, которой человекъ рѣшился неуклонно слѣдовать. Дѣятельность Пирогова является также характерной по той жаждѣ обновленія, которая охватила русское общество послѣ крымской войны. Въ то же время дѣятельность эта знакомитъ со всей

трудностью борьбы, которая ведется всякимъ независимо мыслящимъ дѣятелемъ съ косностью массъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мы такъ привыкли останавливать свое вниманіе только на выдающихся и свѣтлыхъ сторонахъ жизни конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, что нерѣдко упускаетъ изъ виду, какую картину представляла собою обыденная житейская дѣйствительность того времени; энергичную и мужественную дѣятельность части общества мы почти готовы считать выраженіемъ общаго настроенія въ эпоху реформъ. Люди же, которымъ приходилось осуществлять на практикѣ свои завѣтныя мечты, встрѣчались съ очень грубою средой, съ этою „русскою толщей“, какъ называлъ Сперанскій нашу дѣйствительность. Пироговъ сдѣлалъ смѣлую попытку подвергнуть откровенному и гласному пересмотру сложившіяся отношенія и факты, которыя заставляли надъ собой призадуматься.

Новыя и лучшія стремленія части общества, возникавшія въ то время, не могли въ глазахъ людей, имѣвшихъ возможность наблюдать жизнь въ широкихъ размѣрахъ, скрасить русскую общественность. „Въ обществѣ начинается прорываться стремленіе къ лучшему порядку вещей, — писалъ въ это время А. В. Никитенко, одинъ изъ безпристрастныхъ судей этихъ годовъ, — но этимъ еще не слѣдуетъ обольщаться. Все что до сихъ поръ у насъ являлось хорошаго или дурного — все являлось не по свободному, самобытному движенію общественнаго духа, а по указанію и волѣ высшей власти, которая всѣмъ распоряжалась, и одна вела, куда хотѣла. Замѣчательныя личности и отдѣльныя факты мало значатъ въ общей массѣ застоя: это пузыри, выскакивающіе на поверхности сонной влаги, взволнованной вдругъ паденіемъ въ нее какой-нибудь тяжести“.

„Многіе у насъ теперь даже начинаютъ толковать о законности и гласности, о замѣнѣ бюрократіи въ администраціи болѣе правильнымъ веденіемъ дѣлъ.“

Лишь бы все это не оспаривалось въ словахъ“. Въ то же время большинство негодовало на это возникающее стремленіе къ гласности.

Всякому администратору того времени представлялись большія затрудненія среди неустойчивости взглядовъ съ одной стороны общества, а съ другой—и самой власти. Тогда едва удовлетворивъ какому-нибудь изъ новыхъ общественныхъ запросовъ, готовы были уже бояться этого удовлетворенія и спѣшили загладить его какимъ-нибудь новымъ, подчасъ суровымъ распоряженіемъ. Эти быстрыя колебанія особенно замѣтны были въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, во главѣ котораго стояли во время Пирогова очень хорошо настроенные, но въ высшей степени безхарактерные люди, какими были Норовъ и Ковалевскій. Между тѣмъ вопросъ о просвѣщеніи сталъ въ то время особенно животрепещущимъ, вслѣдствіе только что пережитыхъ тогда политическихъ событій.

„Наука, господа—говорилъ министръ Норовъ профессорамъ Казанскаго университета, — всегда была для насъ одною изъ главнѣйшихъ потребностей, но теперь она первая. Если враги наши имѣютъ надъ нами перевѣсъ, то единственно силою своего образованія. Итакъ мы должны всѣ силы устремить на это дѣло“. Въ то же время графъ Блудовъ недоумѣвалъ, кто будетъ наполнять и читать великое множество нарождавшихся журналовъ, и негодовалъ на безпорядокъ въ самомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Никитенко, близко знавшій это дѣло, восклицаетъ въ своемъ дневникѣ въ декабрѣ 1856 года. „Печальная судьба нашего просвѣщенія. Не разъ страдало оно въ тяжкомъ плѣну: былъ плѣнъ татаръ, обскурантовъ и т. д., а нынѣ оно томится въ плѣну подьячихъ“. А въ мартѣ 1861 года онъ имѣлъ основаніе писать. „Судьба нашихъ университетовъ должна бы обратить на себя вниманіе нашихъ мыслящихъ людей и обще-

ства, если бы они способны были заниматься такими бездѣлицами. Университеты наши, очевидно, клонятся къ упадку. Юношество въ нихъ деморализовано; профессора лишены всякаго значенія. Многіе каѳедры пусты, другія скоро будутъ пусты, и некъмъ ихъ замѣстить, потому что молодые даровитые люди службѣ университета предпочитаютъ другія карьеры — однимъ словомъ полное оскудѣніе“.

Характернымъ явленіемъ былъ въ это время огромный наплывъ желающихъ поступить въ университетъ, но подготовка этихъ лицъ оказывалась совершенно не соответствующей предстоящему имъ курсу. „Большинство приготовлено дурно, не развито, мало знаній“, писали экзаменаторы; притомъ общество еще избѣгало среднихъ учебныхъ заведеній, и молодежь, искавшая университета, была преимущественно домашняго приготовления, и училась

„Понемногу: чему-нибудь и какъ-нибудь“.

Но университеты не закрывали и не могли закрыть передъ него дверей, и принимали даже тѣхъ, которые на пріемныхъ испытаніяхъ получали единицы и двойки. Педагоги этого времени дѣйствовали по большей части рутиннымъ образомъ, ни мало не задумываясь и не испытывая сомнѣній, иные, наоборотъ, готовы были иногда откликаться на доброе желаніе своихъ руководителей съ увлеченіемъ, доходившимъ до наивности. Характернымъ примѣромъ подобныхъ противорѣчій въ средѣ тогдашнихъ педагоговъ можетъ служить обсужденіе подѣ председательствомъ Пирогова вопроса объ отношеніи наставниковъ къ ученикамъ. Одни говорили, что они должны быть имъ „отцами“, другіе хотѣли быть „братьями“, на что Пироговъ замѣтилъ, что они могутъ быть только тѣмъ, что они есть, т. е. „наставниками“. Такая поспѣшность наставниковъ превратиться въ „братевъ“ и „отцовъ“ своихъ воспитан-

никовъ была совершенно безкорыстнымъ стремленіемъ и чертою времени. Но въ это же время въ одной изъ гимназій Кіевскаго округа — въ Житомирской, изъ 600 учениковъ за одинъ годъ оказалось высѣченными 290, и такъ какъ, по училищному Уставу, сѣчь дозволялось только въ низшихъ трехъ классахъ, то эти цифры показывали, что въ Житомирской гимназій почти каждый мальчикъ былъ высѣченъ, хоть одинъ разъ; если же нѣкоторые избѣжали наказанія, то, слѣдовательно, другіе въ это время были высѣчены нѣсколько разъ.

Въ такой педагогической средѣ, гдѣ большинство было далеко не на сторонѣ какихъ либо обновленій, и едва могло выйти изъ обычной косности и привычной рутины, а отдѣльныя лица готовы были спѣшить обогнать свое время, среди самыхъ разнообразныхъ общественныхъ теченій, пришлось дѣйствовать Пирогову. Ему приходилось вносить чувство законности и уваженія къ личности туда, гдѣ рука педагога не задумываясь поднималась надъ ученикомъ, гдѣ сами ученики, случалось, сѣкли другъ друга, гдѣ ни семья, ни школа не вдумывались въ вопросы воспитанія и не содѣйствовали другъ другу, а только раздражались другъ на друга и взаимно другъ отъ друга страдали. Пироговъ сумѣлъ хотя на время нѣсколько объединить ихъ въ дружномъ желаніи улучшить общее и близкое всѣмъ дѣло воспитанія и образованія. Въ этомъ ему помогли и его прямота, внушавшая общее довѣріе, и независимость характера, и стремленіе къ гласности въ педагогическомъ дѣлѣ, и огромный тактъ, а главное продуманность и устойчивость собственныхъ педагогическихъ убѣжденій. Его основныя педагогическія убѣжденія оставались тѣ же и при вступленіи въ должность попечителя, и при оставленіи ея, и въ теченіе всей послѣдующей его жизни; измѣнялся только взглядъ на размѣры, въ которыхъ возможно было осу-

щезтвить его коренныя стремленія. Далекій отъ мысли, что задачи средней и высшей школы должны быть спеціальны, въ какомъ бы то ни было отношеніи, онъ искренно желалъ для Россіи прежде всего такой школы, въ которой „всѣ человѣку дарованныя способности, всѣ благородныя и высокія стремленія“ нашли бы „средства къ безконечному и всестороннему развитію, безъ всякой задней мысли и безъ рановременныхъ заботъ о приложеніи“. „Нѣтъ ни одной потребности,—замѣчаетъ онъ въ „Вопросахъ жизни“—для какой бы то ни было страны, болѣе существенной и болѣе неотразимой, какъ потребность въ истинныхъ людяхъ... „Отвѣчайте мнѣ, положа руку на сердце, можно ли надѣяться, чтобы юноша въ одинъ и тотъ же періодъ времени изготовлялся выступить на поприще, не самимъ имъ избранное, прельщался внѣшними и матеріальными выгодами этого заранѣе для него опредѣленнаго поприща и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезно и ревностно приготавливался къ внутренней борьбѣ съ самимъ собою и съ увлекательнымъ направлепіемъ свѣта?... Дайте выработаться и развиться внутреннему человѣку! Дайте ему время и средства подчинить себѣ наружнаго и у васъ будутъ и негоціанты, и солдаты, и моряки, и юристы; а главное у васъ будутъ люди и граждане... Вникните и разсудите, отцы и воспитатели!“

Между тѣмъ дѣйствительность далеко не соотвѣтствовала этому желанію Пирогова. По его собственнымъ словамъ, „общество и государство, примѣняясь къ настоящему и дѣлая воспитаніе своею монополіею, смотрятъ на школу, во-первыхъ, какъ на проводникъ къ распространенію въ будущемъ поколѣніи узкихъ убѣжденій, взглядовъ и понятій; во-вторыхъ, какъ на разсадникъ спеціалистовъ, ему необходимыхъ для достиженія извѣстныхъ обыденныхъ цѣлей...“ „Отцы, примѣняясь къ этому направленію общественнаго воспитанія, посылаютъ дѣтей въ школу: во-первыхъ, чтобы

воспитать ихъ для хлѣба и, притомъ, елико возможно, не на своемъ, а на чужомъ и общественномъ иждивеніи; во-вторыхъ, чтобы воспитать въ духъ того сословія, къ которому принадлежатъ сами и, разумѣется, въ тѣхъ же самыхъ убѣжденіяхъ и предубѣжденіяхъ“ Пироговъ при этомъ прекрасно понималъ и нѣсколько разъ выражалъ и въ печати и въ разговорахъ, что судить за это нельзя ни семью, ни общество; что потребность въ заработкѣ и хлѣбѣ меньше всего можно считать незаконной; онъ просто смотрѣлъ на это, какъ на необходимыя условія даннаго времени, съ которыми приходится считаться, и среди которыхъ неизбѣжно приходится дѣйствовать школѣ, но, вмѣстѣ съ этимъ, онъ всегда былъ увѣренъ, что „гегемонія жизни“ должна принадлежать правильно поставленной школѣ, устроить которую призвана избранная часть образованнаго общества на началахъ общечеловѣческихъ. Вполнѣ признавая выгоды спеціальнаго образованія, такія очевидныя даже для большинства, Пироговъ, конечно, не отрицалъ ихъ; онъ только настаивалъ, чтобы этотъ переходъ совершался во время: въ соотвѣтствующемъ возрастѣ, когда уже болѣе опредѣляются личныя наклонности человѣка, а, главное, послѣ достаточной общеобразовательной подготовки. „Реакція противъ гуманизма,—писалъ Пироговъ въ статьѣ „Чего мы желаемъ“,—понятна еще въ странахъ, гдѣ гражданственность достигла высшей степени развитія; понятно это противодѣйствіе въ отечествѣ Гуттена, Эразма, Рейхлина... Тамъ, можетъ быть, онъ вредилъ излишкомъ, способствуя абстрактному направленію умовъ и отвлекая ихъ отъ дѣйствительности. Гдѣ общечеловѣческое образованіе уже просвѣтило всѣ классы общества, тамъ можетъ развиваться и самый утонченный—гуманный и реальный—специализмъ; тамъ просвѣщенное общество сумѣетъ уже само отличить истиннаго, научнаго спеціалиста отъ

шарлатана, которому специализмъ служитъ только вывѣскою. Но другое дѣло у насъ. Что будетъ изъ насъ, если мы, не приготовленные еще образовательною силою гуманизма, бросимся, очертя голову, на специальность, и какую специальность предпочтетъ наше большинство? Конечно, самую реальную и насущную — т. е. такую, которая, требуя, какъ можно, менѣе общечеловѣческаго образованія, обѣщаетъ, какъ можно, болѣе прибыли и выгодъ... Нѣтъ, не намъ возставать противъ истиннаго гуманизма, плодами котораго мы еще никогда не пользовались... Даже желая отъ всей души сдѣлаться истыми специалистами, мы не должны забывать, что и для этого необходимо общечеловѣческое образованіе. Въ разнообразіи и пестротѣ свѣдѣній, обыкновенно сопровождающихся поверхностнымъ отношеніемъ къ знанію, Пироговъ видѣлъ большое зло, и думалъ и вѣрилъ, что истинно гуманитарная и общеобразовательная школа можетъ быть только классическая, понимая подъ этимъ выраженіемъ школу, въ основаніи которой лежатъ древніе языки. Это была неизмѣнная мечта человѣка, у котораго съ понятіемъ о преподаваніи древнихъ языковъ соединялось представленіе о ясности гражданскаго міросозерцанія древняго грека, о точности мысли, соединенной съ изученіемъ изящнаго, но уже совершившаго свое развитіе, вымершаго языка. Этимъ идеаломъ школы въ свое время увлекался даже такой реалистъ, какъ Бѣлинскій, писавшій въ 40-хъ годахъ: „Обаятеленъ міръ древности. Въ его жизни зерно всего великаго, благороднаго, доблестнаго... Да, греческій и латинскій языки должны быть краеугольнымъ камнемъ образованія, фундаментомъ школы“.

Пироговъ, создавая въ своемъ воображеніи этотъ типъ классической школы, и исходя изъ совершенно вѣрной мысли о значеніи общаго и, такъ сказать, философскаго образованія, не могъ предвидѣть, конеч-

но что знакомство съ античнымъ міромъ легче и непосредственнѣе можетъ быть получено въ предѣлахъ школы безъ древнихъ языковъ, что эти языки послужатъ юношѣ не средствомъ, а пренятствіемъ для сочувственнаго отношенія къ древнему міру; не могъ предвидѣть онъ также, что будетъ сдѣлано изъ преподаванія древнихъ языковъ узкими спеціалистами. Любопытно, что защищая классицизмъ средней школы въ то время, когда вопросъ о классической и реальной школѣ въ Россіи еще только ставился и былъ предметомъ ожесточенныхъ споровъ, Пироговъ приводилъ доказательства въ пользу своего мнѣнія изъ своей медицинской практики и, на нашъ взглядъ, недостаточно убѣдительныя. „Но если этотъ вопросъ (о классицизмѣ) и остается еще неразрѣшеннымъ для науки и педагогическаго искусства, — писалъ Пироговъ въ январѣ 1860 г., — то это не интересуется родителей. Если у васъ есть больное дитя, то развѣ для васъ не все равно, по какой методѣ его будутъ лечить — лишь бы возвратили здоровье. Для чего же вамъ спорить, хлопотать и теряться въ неудомѣніяхъ: что полезнѣе вашему сыну — учиться ли по-латыни и по-гречески, или по французски и по англійски?“ Здѣсь не мѣсто, конечно, обсуждать обстоятельно вопросъ о значеніи древнихъ языковъ въ средней школѣ, но нельзя не замѣтить, что родителямъ совсѣмъ не все равно, какъ будутъ лечить ихъ „больное дитя, и что они всегда предпочтутъ способъ, соединенный съ наименьшими страданіями; и что совсѣмъ не все равно для родителей, будутъ ли ихъ дѣти изучать формы языка, которымъ будутъ пользоваться въ жизни, или который по окончаніи курса безповоротно забудутъ. Эта мечта Пирогова помочь развитію русскаго общества съ помощью классической школы была, впрочемъ, чуть ли не единственнымъ его взглядомъ, вызывающимъ невольныя возраженія у насъ, имѣющихъ уже

возможность цѣнить классическую школу по ея много-
лѣтней практикѣ; да и самое отношеніе Пирогова къ
классической школѣ было скорѣе платоническимъ; такъ
какъ ему пришлось оставить свой постъ попечителя,
когда вопросъ о реальной и классической школѣ
еще только начиналъ выясняться для его современ-
никовъ; тѣмъ не менѣе нельзя, даже и въ крат-
комъ обзорѣ дѣятельности Пирогова, какъ попечителя,
не упомянуть объ этомъ его воззрѣніи, которое онъ
стремился привить своимъ сотрудникамъ. Но, ратуя
за гуманитарную школу, Пироговъ разсматривалъ ее
не только, какъ школу, въ которой излагается извѣ-
стный порядокъ идей или міровоззрѣніе; онъ очень
опасался общихъ фразъ въ школѣ; съ рѣдкою прони-
цательностью въ статьѣ „Быть и казаться“ онъ раз-
вивалъ ту весьма справедливую и заслуживающую
до нашихъ дней широкаго распространенія мысль,
что, „мы—взрослые нарушаемъ безпрестанно гармонію
дѣтскаго міра. Мы, насильственно врываясь въ него,
переносимъ ребенка, на каждомъ шагу, къ себѣ, въ
нашъ свѣтъ. Мы спѣшимъ ему внушить наши взгляды,
наши понятія, наши свѣдѣнія, пріобрѣтенныя вѣко-
выми усиліями уже зрѣлаго человѣка. Мы отъ души
восхищаемся нашими успѣхами, полагая, что ребе-
нокъ насъ понимаетъ, и сами не хотимъ понять, что
онъ понимаетъ насъ по своему“. Относясь отрица-
тельно къ общимъ фразамъ, онъ особенно высоко
ставилъ знаніе и всестороннее знакомство съ фактомъ.
„Мы недовольно цѣнимъ,—замѣчаетъ онъ,—значеніе
каждаго факта; самъ по себѣ онъ не имѣетъ для насъ
ни интереса, ни прелести. Услышавъ, увидѣвъ, уз-
навъ или открывъ фактъ, мы не стараемся убѣдиться
въ его точности или въ подробностяхъ. Если намъ не
удалось разомъ и свысока понять его значеніе, связь
или примѣненіе, то онъ для насъ какъ будто никогда
не существовалъ... Поэтому и рано является у насъ

въ молодомъ поколѣніи склонность хвататься за то, что манитъ къ себѣ блестящими результатами, воззрѣніями, слѣдствіями, и тому подобное; отъ этого и странная склонность у нашей молодежи братья за дѣло не по силамъ, слишкомъ высоко цѣнить свой трудъ и слишкомъ низко цѣнить трезвое дознаніе трудомъ... Фактъ вовсе не такъ поворотливъ, какъ языкъ, а дознанный фактъ, такъ неповоротливъ, что онъ всегда былъ камнемъ преткновенія умозрѣній!...

„Мы смотримъ на факты, дѣйствительно, какъ на поворотливые языки, какъ на пѣшки, которыя можно передвигать съ одного мѣста на другое“...

„Поэтому мы лучше понимаемъ нѣмецкую философію, чѣмъ самого нѣмца съ его ожотою къ кропотливымъ изслѣдованіямъ. Намъ смѣшна его усидчивость въ кропотливомъ разысканіи фактовъ“... Между тѣмъ Пироговъ полагаетъ, что „взгляды и воззрѣнія раздѣляютъ общество, а факты—соединяютъ“.

Пироговъ желалъ связать школьное преподаваніе съ нарождающимися потребностями самой жизни; тѣ обычныя школьныя, хотя бы и фактическія знанія, которыя такъ скоро забываются нами по выходѣ изъ школы, и составляютъ ея балластъ, онъ называлъ „класно-переводнымъ знаніемъ“, обозначая этимъ ту часть свѣдѣній, сообщаемыхъ въ нашей средней школѣ, которая составляетъ изобрѣтенное нами условное мѣрило, не имѣющее жизненнаго содержанія, служащее не для жизни, а для школы, напоминающее споръ о словахъ, а не о реальной истинѣ. И съ этой точки зрѣнія онъ былъ жестокимъ врагомъ не только экзаменовъ, но и всякаго экзаменаціоннаго направленія въ школѣ. „Вообще можно сказать“,—писалъ Пироговъ въ своихъ замѣчаніяхъ на отчеты морскихъ учебныхъ заведеній за 1859 г.,—что наши годовые или переводные экзамены назначаются болѣе для учителей, нежели для учениковъ. Они означаютъ только

недовѣріе къ безпристрастію учителей, потому что, если бы не было этой задней мысли, то нельзя объяснить, для чего переводные экзамены у насъ дѣлаются при официальной, болѣе или менѣе торжественной обстановкѣ и продолжаются цѣлые мѣсяцы въ ущербъ учебному курсу. Развѣ учителя, вмѣстѣ съ директоромъ и инспекторомъ, не могутъ между собою рѣшить *безъ всякихъ формальностей*, можетъ ли тотъ или другой ученикъ быть переведенъ въ слѣдующій классъ, или нѣтъ?

„Если же учитель не знаетъ способностей къ занятію изъ годичнаго курса и свѣдѣній своихъ учениковъ, то что же онъ узнаетъ черезъ испытаніе, которое продолжается для каждаго нѣсколько минутъ?..“

Можетъ быть, въ данномъ вопросѣ взгляды Пирогова создавались и подъ впечатлѣніемъ личнаго опыта; по крайней мѣрѣ, онъ самъ оцѣнилъ свои собственные впечатлѣнія отъ экзаменовъ въ слѣдующихъ словахъ: „Я помню, какъ меня самого парализовали экзамены. Ничего я такъ скоро не забывалъ, какъ то, что обязанъ былъ приготовить для экзамена. Лѣтъ 30 послѣ того, если я ночью пробуждался отъ непріятнаго чувства, то это почти всегда было приготовленіе къ экзамену во снѣ. Ни одной наукой я не занимался такъ нехотя, какъ той, которой учился для экзамена.“

Очень естественно, что однимъ изъ девизовъ школы Пироговъ ставилъ: „какъ можно, менѣе формальныхъ экзаменовъ и, какъ можно, болѣе дѣятельныхъ занятій наукой, при наблюденіи личныхъ особенностей каждаго ученика, его способностей и прилежанія“. По его воззрѣніямъ, „учитель никогда не долженъ проводить рѣзкой черты между спрашиваніемъ и объясненіемъ урока“, и сократическій методъ, онъ считалъ наилучшимъ во всякой школѣ; съ этой точки зрѣнія, онъ былъ противникъ лекцій въ университетѣ,

допуская ихъ только въ случаяхъ особаго дара слова у лектора, или самостоятельныхъ его открытій; но, рисуя въ своемъ воображеніи такой идеаль преподаванія, онъ долженъ былъ останавливаться передъ несовершенствомъ оѳфициальной постановки дѣла и самихъ исполнителей, замѣчая съ грустной ироніей, „Сократовъ, сколько мнѣ извѣстно, еще нѣтъ между нашими учителями“.

Эти слова вовсе не значать, чтобы Пироговъ не уважалъ, какъ начальникъ, личности учителя; чело-вѣкъ широкой терпимости, онъ очень цѣнилъ самостоятельный взглядъ и починъ въ другихъ. Онъ скорѣе готовъ былъ сѣтовать на отсутствіе убѣжденія въ педагогическихъ совѣтахъ гимназій, чѣмъ на возраженіе съ ихъ стороны. Хотя въ общихъ основаніяхъ дѣятельности подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеній онъ и желалъ единства, но именно только въ общихъ основаніяхъ; онъ былъ только врагомъ педагогическаго произвола, но отнюдь не свободы преподавателя. И выразилъ эти свои мнѣнія въ слѣдующихъ очень характерныхъ словахъ: „Оѳфициальный контроль надъ программами и классными переводами, какъ не достигающій цѣли, долженъ быть, сколько можно, менѣе стѣснительнымъ“...

„Нельзя всѣхъ и cadaго стричь подъ одинъ гребень, а дѣйствовать разумно, примѣняясь къ свойству самого предмета, къ личности и степени развитія учениковъ и самихъ учителей“...

„Въ педагогикѣ, возведенной на степень искусства, какъ и во всякомъ другомъ искусствѣ нельзя мѣрять дѣйствія всѣхъ дѣятелей по одной мѣркѣ, нельзя за-кабалить ихъ въ одну форму: но съ другой стороны, нельзя и допустить, чтобы эти дѣйствія были совершенно произвольны, неправильны и діаметрально противоположны“.

Послѣдовательно проводя этотъ взглядъ на значе-

не развитія педагогическаго дѣла въ зависимости отъ его жизненной обстановки, Пироговъ хотѣлъ видѣть въ Россіи и разнообразіе университетовъ, отражающее въ себѣ коренныя особенности условій каждаго изъ нихъ. „Чѣмъ это будетъ противно, или вредно, нашему государственному устройству, восклицаетъ онъ. „Вводя новый порядокъ вещей, правительство не лучше ли можетъ и наблюдать и сравнивать въ разнообразіи формулъ всѣ ихъ выгоды и недостатки? Не облегчится ли въ будущемъ возможность улучшенія, выведенная изъ результатовъ, добытыхъ опытомъ и при условіяхъ хотя и не одинакихъ, но все-таки сходныхъ между собою?“

Для того, чтобы найти, въ чемъ заключается это основное сходство, желательное для русской школы, Пироговъ внимательно прислушивался къ требованіямъ самой школы.

Подвѣдомственнымъ ему учебнымъ заведеніямъ хорошо была знакома скромная фигура ихъ попечителя. Обыкновенно пѣшкомъ, нерѣдко съ засученными отъ грязи панталонами, въ поношенномъ сюртукѣ—пальто, —нѣсколько нахохленный, но съ добрымъ и вдумчивымъ выраженіемъ лица, совершенно запросто, появлялся онъ въ стѣнахъ школы, и подолгу оставался въ ней, бесѣдуя рѣшительно со всѣми, начиная съ директора и кончая самыми маленькими учениками, довѣріемъ которыхъ пользовался въ широкой степени.

Посѣщенія школъ Пироговымъ были очень плодотворны, но еще плодотворнѣе было то, что онъ вызвалъ къ жизни и педагогическіе совѣты и съѣзды учителей, и, какъ онъ называлъ, „экстраординарныя педагогическія совѣщанія“, для которыхъ онъ приглашалъ одинаково и своихъ помощниковъ по управленію округомъ, и директоровъ разныхъ учебныхъ заведеній и преподавателей. „Педагогическія совѣща-

нія, — писалъ онъ, — столько же необходимы для наставниковъ, сколько и для самого учебнаго начальства, но, чтобы и наставники и начальство извлекали изъ нихъ существенную пользу, необходимо согласиться въ началахъ. Совѣщанія не могутъ быть истинно научными, если они не будутъ чисто коллегіальными, и если всѣ голоса совѣщателей не будутъ равны“. Одной изъ существенныхъ цѣлей подобныхъ совѣщаній онъ ставилъ также выработку въ педагогической средѣ „общественнаго педагогическаго мнѣнія“, въ которомъ онъ видѣлъ надежнѣйшее средство для уничтоженія педагогическаго произвола. Онъ надѣялся съ помощью этого, дѣйствительно, у насъ почти не существующаго, и въ то же время могущественнаго средства, создать хотя понемногу нравственную связь между учениками и „цѣлымъ обществомъ наставниковъ“, и въ то же время объединить свой округъ, какъ общественную единицу. Полномочія педагогическихъ совѣтовъ и ихъ авторитетъ въ каждомъ учебномъ заведеніи онъ ставилъ очень высоко и мечталъ предоставить рѣшенію совѣтовъ не только назначеніе учителей, но и избраніе директора. Наказанія, по его мнѣнію, могли налагать только педагогическіе совѣты, чѣмъ въ сущности рекомендовалось въ идеалѣ—вывести изъ употребленія наказанія.

Такимъ образомъ, единство подвѣдомственныхъ ему учрежденій Пироговъ готовъ былъ видѣть только въ основныхъ началахъ, которыя сообща должны были вырабатываться представителями разныхъ учебныхъ заведеній; онъ оставался за все время своей службы настойчивымъ противникомъ педантичнаго шаблона для всѣхъ учебныхъ заведеній.

Да и, въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о практической невозможности осуществить подобный шаблонъ, кто изъ тѣхъ, которые создаютъ его, можетъ ручаться, что онъ открылъ въ своемъ планѣ поста-

повки дѣла настоящую истину? Что онъ угадалъ рѣшительно всѣ потребности общества въ образованіи, и остающіяся отъ прошлаго, и въ данную минуту существующія, и съ каждымъ днемъ нарождающіяся? И не должна ли составлять школа, въ сѣмомъ дѣлѣ, одного изъ отпрысковъ жизни, постоянно и разнообразно развивающагося, и, въ этомъ смыслѣ, не должна ли она въ своей разнообразной практикѣ искать постоянныхъ указаній для наилучшаго рѣшенія возникающихъ передъ нею задачъ?

„Жизнь скоро убѣждаетъ насъ, — писалъ Пироговъ, что всѣхъ противорѣчій и непоследовательностей совершенно избѣжать нельзя. Да они не такъ вредны, если только вѣрно служатъ одному общему, последовательно проведенному началу“. Такимъ образомъ основнымъ приѣмомъ дѣйствій Пирогова въ области его административной дѣятельности было не предписаніе, а коллегіальное обсужденіе мѣръ, введенныхъ въ видѣ опыта. „Я считаю, — говоритъ онъ, всякій экспериментъ не только позволительнымъ, но и единственнымъ средствомъ, обѣщающимъ хотя что-нибудь лучшее“.

При этомъ, сознавая недостаточность числа существующихъ правительственныхъ учебныхъ заведеній, онъ желалъ полной свободы открытія частныхъ школъ, изъ которыхъ особенно сочувствовалъ воскреснымъ; въ этомъ отношеніи онъ даже сдѣлалъ нѣсколько смѣлый шагъ, воспользовавшись широтой своихъ полномочій, какъ попечителя, и разрѣшивъ открытіе въ Кіевскомъ учебномъ округѣ воскресныхъ школъ для взрослыхъ въ то время, когда еще на нихъ смотрѣли очень опасно, и за два года до полного оффиціального разрѣшенія открывать подобныя школы.

При всемъ признаніи разнообразныхъ формъ училищной жизни, Пироговъ желалъ для нихъ, какъ уже упоминалось выше, общихъ началъ, къ которымъ, кромѣ указанныхъ выше, онъ присоединялъ слѣдующія: 1) „уче-

ніе въ каждомъ училищѣ должно имѣть извѣстную степень законченности, но безъ нарушенія общей связи училищъ. Каждое училище должно быть и преддверіемъ другого и открывать входъ въ жизнь. 2) Основаніемъ классификаціи училищъ не должно быть сословное начало. Одна степень получаемыхъ въ нихъ свѣдѣній должна служить основаніемъ къ раздѣленію ихъ на различные разряды. Не сословіе съ свойственными ему убѣжденіями и предубѣжденіями, а способности, склонности и матеріальныя средства каждаго учащагося должны опредѣлить выборъ училища и направленіе въ ученіи. 3) Принявъ за доказанную истину, что коллегіальное начало, не смотря на его нѣкоторые недостатки, есть все таки самое лучшее въ дѣлѣ общественнаго образованія, нужно сохранить его въ чистотѣ, не допуская примѣси другого противоположнаго начала—бюрократическаго. 4) Самое дѣйствительное средство къ улучшенію нравственности въ учебныхъ заведеніяхъ есть сама наука, и учитель, знающій свое дѣло, есть вмѣстѣ съ тѣмъ самый лучший воспитатель, а потому нравственное вліяніе его на учениковъ не должно быть стѣсняемо никакимъ постороннимъ вмѣшательствомъ. 5) Закрытыя заведенія, и особливо тѣ, которыя назначаются для различныхъ возрастовъ, не достигаютъ цѣли и нисколько не содѣйствуютъ развитію нравственнаго чувства въ воспитанникахъ, а потому могутъ быть только терпимы по мѣстнымъ обстоятельствамъ“.

Одна изъ мѣръ, принятыхъ Пироговымъ для уменьшенія произвола въ педагогической практикѣ Кіевскаго округа, направлена къ уменьшенію и къ упорядоченію наказаній, налагаемыхъ на учащихся. Эта мѣра была вызвана весьма краснорѣчивыми фактами. По отчету 1858-го года, напр., тѣлесныя наказанія распредѣлялись въ Кіевскомъ округѣ крайне неравномѣрно. Такъ, въ Кіевской гимназіи изъ 215 учениковъ было наказано всего 3, а въ Волынской изъ 600—290, и Пироговъ

имѣлъ основанія въ своихъ циркулярахъ выражать недоумѣніе по поводу такого крупнаго различія въ примѣненіи тѣлесныхъ наказаній въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ; а между тѣмъ для него, какъ принципиальнаго противника розги, вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ былъ особенно тревожнымъ. Свои взгляды на розгу въ школѣ онъ изложилъ въ статьѣ, озаглавленной: „Нужно ли сѣчь дѣтей, и сѣчь въ присутствіи другихъ дѣтей“? Статья написана подъ живыми впечатлѣніями горькой дѣйствительности и заключаетъ много замѣчаній не безъинтересныхъ и въ наше время. „Розга, — пишетъ Пироговъ, — слишкомъ грубый и насильственный инструментъ для возбужденія стыда. А чувство стыда — это такой нѣжный, оранжерейный цвѣтокъ, который разомъ завянетъ, когда побываетъ въ грубыхъ рукахъ. Розга вселяетъ страхъ — это правда, — но не исправительный, не надежный, а прикрывающій только внутреннюю порчу. Она исправляетъ только слабодушнаго, котораго исправили бы и другія средства, менѣе опасныя“.

Каковы были педагогическіе нравы, съ которыми пришлось столкнуться Пирогову, можно судить потому, что ему приходилось бороться съ дикимъ обычаемъ сѣчь учениковъ въ торжественной обстановкѣ, въ присутствіи товарищей и начальства.

„Чего вы хотите?“ восклицаетъ Пироговъ, обращаясь къ такимъ воспитателямъ, „поселить въ присутствующемъ отвращеніе къ наказанію? Да вы поселяете одно отвращеніе къ наказующему. Вы хотите возбудить отвращеніе къ виновному? но вы возбуждаете къ нему сочувствіе. Развѣ можно, не огрубѣвъ душою, безъ сожалѣнія слушать вопль и смотрѣть на борьбу сильнаго съ безсильнымъ?“

Особенно возмущало Пирогова доказательство, приводимое въ защиту цѣлесообразности розги на основаніи долготѣνια ея примѣненія, какъ средства, исторически доказавшаго свою практичность. „Я знаю, ни-

саль онъ, что послѣдователи правилъ, упроченныхъ лишь временемъ, тяжелы на подъемъ, — и въ этомъ случаѣ они правы: время—важный аргументъ, когда оно вынесло на свѣтъ что-нибудь хорошее. Но въ этомъ-то вся и трудность. Докажите мнѣ, что при такой-то мѣрѣ дѣло шло хорошо—да докажите еще, что хорошее именно и зависѣло отъ этой мѣры; тогда я первый поклонюсь, пожалуй, и розгѣ, какъ бы я мало ни былъ расположенъ къ ней. А покуда, не испытавъ ничего другого и не доказавъ, что хорошее зависитъ именно отъ нея, если вы будете ссылаться на опытъ, — даже вѣковой, — я въ правѣ вамъ не повѣрить... Вотъ хоть бы, напри- мѣръ, въ медицинѣ... цѣлыя столѣтія все пускали кровь въ воспаленіяхъ легкаго. Врачъ, не пустившій кровь больному въ такомъ случаѣ, могъ попасть подъ судъ. Наконецъ, нашлись люди, которые цифрою доказали, что страдающій воспаленіемъ легкаго можетъ выздоро- вѣть и безъ кровопусканія, да еще чаще и скорѣе выздо- равливается... Къ чему тутъ служила вся оффиціальная логика? Умозаключенія были правильны, опытъ также подтверждалъ, время упрочивало факты — да позабыли только одно:—испытать, не будетъ ли хорошо иначе, безъ энергическихъ способовъ?“

Этотъ взглядъ на тѣлесныя наказанія, высказанный гласно человѣкомъ, занимающимъ высокое обществен- ное положеніе, былъ привѣтствованъ передовою частью литературы и наиболѣе образованными слоями русскаго общества. Но огромное число лицъ, близкихъ къ школѣ, фактическихъ сотрудниковъ Пирогова, далеко не раздѣ- ляло этихъ его принциповъ. На совѣщаніяхъ, собран- ныхъ имъ для обсужденія вопроса о томъ, какъ умень- шить произволь въ школьныхъ наказаніяхъ, при пер- вой его попыткѣ заговорить объ уничтоженіи розги, на него со всѣхъ сторонъ посыпались протесты. Ему указывали, что не только школа, но сами родители стоятъ за розгу, что нерѣдко они обращаются въ школу

сами съ просьбой сѣчь ихъ дѣтей; указывали, что бывають случаи, когда гимназисты сѣкутъ другъ друга самосудомъ; говорили, что школьные наставники вовсе не подготовлены къ тому, чтобы отъ вошедшаго въ привычку тѣлеснаго наказанія перейти къ болѣе гуманнымъ приѣмамъ; и что, если эти приѣмы будутъ введены сразу и, какъ исключительно обязательные, то не расположенные и не подготовленные къ нимъ наставники могутъ сдѣлать изъ нихъ на практикѣ очень тяжелое нравственное испытаніе для ученика.

При такомъ положеніи дѣль приходилось сокращать свои желанія и думать не о немедленномъ уничтоженіи розги, а только ставить себѣ ея уничтоженіе, какъ одну изъ важнѣйшихъ, ближайшихъ задачъ, и въ кодексъ наказаній вошла и розга, а въ объясненіяхъ къ опубликованному распоряженію были приведены и выше-сказанныя основанія, вызвавшія такую мѣру. Въ этой первой попыткѣ ввести чувство законности въ отношенія между учениками и учителями, составленной довольно быстро, вкрались нѣкоторыя противорѣчія и погрѣшности, которыя вмѣстѣ съ главнымъ пунктомъ— введеніемъ розги, возбудили живѣйшее негодованіе въ той же части печати, которая такъ ликовала, по поводу ранѣе высказанныхъ Пироговымъ мнѣній о розгѣ.

Особенно горячо выражалъ свое разочарованіе Добролюбовъ въ извѣстной статьѣ „Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами“, и съ рѣзкостью возмущеннаго и до глубины души негодующаго человѣка онъ обрушился на кодексъ Пирогова, во многихъ случаяхъ мѣтко указывая его слабыя стороны. Но разочаровываться въ Пироговѣ было еще рано; дѣйствительность доказала это такъ убѣдительно, что не оставалось сомнѣній въ необходимости принятой переходной мѣры. Цифры отчета въ 1859—60 году. (т. е. послѣ обнародованія кодекса) вполне заслуживають сравненія въ этомъ отношеніи съ цифрами 1858 года.

1858 г.	Подверг. тѣлесн. наказанію		1859—60.
Въ кievской 1-ой гимназіи изъ	215 учен.	3	изъ 201 учен. 1
„ кievской 2-ой гимназіи „	625 „	43 „	„ 650 „ 2
„ бѣлоцерковской . . . . . „	220 „	38 „	„ 266 „ 0
„ волынской . . . . . „	600 „	290 „	„ 635 „ 5
„ ровенской . . . . . „	300 „	6 „	„ 354 „ 5
„ подольской . . . . . „	400 „	37 „	„ 470 „ 7
„ немировской . . . . . „	600 „	67 „	„ 568 „ 5
„ черниговской . . . . . „	240 „	18 „	„ 276 „ 0
„ новгородъ-сѣверской . „	250 „	8 „	„ 288 „ 0
„ нѣжинской . . . . . „	260 „	2 „	„ 264 „ 2
„ полтавской . . . . . „	399 „	39 „	„ 338 „ 0
	изъ 4,109 учен. 551.		изъ 4,310 учен. 27

Не говоря уже о томъ, что, какъ показываетъ эта таблица, въ четырехъ гимназіяхъ совсѣмъ перестали сѣчь, особенно важны ея итоги, показывающіе громадное, небывалое въ кievскомъ округѣ уменьшенія числа тѣлесныхъ наказаній. При этомъ нужно замѣтить, что, по разъясненію отчета, число ударовъ, которымъ подвергались наказанные, было уменьшено до 10 и 5, между тѣмъ, какъ прежде удары иногда и не считались.

Изъ 27 наказанныхъ, по объясненію Пирогова, „одинъ въ Подольской гимназіи наказанъ по просьбѣ матери за оказанную ей дерзость; про двухъ еще неизвестно наказаны ли они по опредѣленію педагогическаго совѣта; въ одномъ случаѣ (Нѣж. гимн.) наказаніе было опредѣлено несообразно правиламъ (за неприличныя слова въ тетради), а въ четырехъ другихъ случаяхъ директоръ (Ровен. гимн.) поступилъ произвольно, безъ согласія педагогическаго совѣта, по просьбѣ родителей по предоставленной ему родителями власти и попеченію“. Каковы были нравы самихъ гимназистовъ, подвергшихся наказаніямъ и увольненію, можно составить себѣ нѣкоторое представленіе по тому, что въ числѣ проступковъ, вызвавшихъ это наказаніе упоминаются: систематическое воровство книгъ изъ книжнаго магазина, сѣченіе товарища въ ватеръ-клозетѣ, оклеветаніе дѣвицы, воровство плошекъ на улицѣ.

постоянное пьянство, побои, нанесенные надзирателю, прошение милостыни у заѣзжихъ дворянъ.

Пироговъ, конечно, прекрасно понималъ, что кодексами, хотя бы и выработанными въ многочисленномъ собраніи наставниковъ, нельзя исправить школьныхъ нравовъ; что внѣшняя мѣра можетъ предотвращать только внѣшніе проступки, и ему хотѣлось повліять какъ-нибудь глубже на внутренній міръ учащихся и поднять въ нихъ дѣятельное отношеніе къ вопросамъ нравственности. Этого ему хотѣлось тѣмъ болѣе, что онъ вовсе не разсматривалъ ученика, какъ пассивное существо, на которое воздѣйствуетъ учитель. Для Пирогова, воспитаніе представлялось житейской встрѣчей людей юныхъ и зрѣлыхъ, гдѣ они взаимно вліяютъ другъ на друга. Чтобы поднять нравственность гимназиста и студента, онъ ввелъ въ гимназіяхъ и университетѣ совѣстные товарищескіе суды. Онъ надѣялся этимъ вызвать въ юношествѣ болѣе отзывчивое и энергичное отношеніе къ вопросамъ общественной нравственности. Правда, введеніе этого суда, подъ руководствомъ наставниковъ, оказалось, по кратковременности службы Пирогова, лишь недолго существовавшей попыткой, и потому нельзя считать его результатовъ вполне убѣдительными, но они, во всякомъ случаѣ, заслуживаютъ общаго вниманія.

Къ проступкамъ, подлежащимъ этому суду, причислялись только тѣ, которые касались нарушенія взаимныхъ отношеній учениковъ, какъ: порча вещей товарищей, ложь и клевета противъ товарищей, оскорбленіе товарища словомъ и дѣломъ. Въ одиннадцати гимназіяхъ Округа въ теченіе одного года и двухъ мѣсяцевъ всѣхъ наказаній, опредѣленныхъ судомъ товарищей, было до семидесяти. Всѣ почти подсудимые были ученики II, III, IV кл., три V и одинъ VII класса. Наказанія, назначенныя судомъ товарищей, состояли въ извиненіи передъ обиженнымъ, арестъ, выговоръ, ли-

шеніи пици и платѣ за испорченную вещь. По отчетамъ нѣкоторыхъ дирекцій, судъ не всегда былъ безпристрастенъ: другія дирекціи утверждали, напротивъ, что на судъ ученики гимназій смотрѣли весьма серьезно, и всѣми дирекціями было согласно признано, что этотъ судъ способствуетъ развитію общественнаго мнѣнія, что вражды между учениками, которую предсказывала печать, не было и слѣда, и виновные безропотно подчинялись приговору.

Не къ произволу и не къ самоуправству приучалъ, конечно, такой судъ, а именно къ обузданію произвола личности. Этотъ совѣстный, товарищескій судъ—одна изъ тѣхъ мѣръ, которыя самымъ благотворнымъ образомъ могутъ вліять на развитіе нравственныхъ чувствъ, и, что особенно цѣнно въ немъ, это переживаніе этихъ чувствъ на практикѣ. Для того, чтобы создалось убѣжденіе, мало только знать истину, мало даже сочувствовать ей, надо имѣть случай за нее побороться, рѣшиться мужественно и независимо высказать ее въ присутствіи другихъ, иногда съ ней несогласныхъ, очень важно выразить свое мнѣніе не только словами, но и опредѣленнымъ поступкомъ. Этотъ товарищескій судъ давалъ много полезныхъ испытаній юношѣ въ этомъ отношеніи.

Пироговъ пытался также организовать при гимназіяхъ какія-нибудь серьезные развлеченія, которыя сближали бы между собою учениковъ и давали бы имъ возможность совмѣстно обсуждать близкіе ихъ возрасту предметы. Къ такимъ развлеченіямъ онъ относилъ внѣ—классныя бесѣды на литературныя, историческія и другія научныя темы. Онъ самъ присутствовалъ на этихъ бесѣдахъ, принималъ въ нихъ дѣятельное участіе, но отсутствіе опыта въ этомъ дѣлѣ у наставниковъ и у самого Пирогова помѣшало выяснить настоящимъ образомъ надлежащую постановку этихъ бесѣдъ. Насколько бережно относился Пироговъ къ дѣтскому міру,

особенно ясно видно изъ его статьи „Быть и казаться“, Разрѣшивъ ученикамъ въ одной изъ гимназій Одесскаго округа публичный спектакль, онъ долго мучился, не повредить ли эта выставка талантовъ, направленныхъ къ притворству чувствъ, искренности молодежи, и свои сомнѣнія въ этомъ вопросѣ предалъ гласности. Не рѣшая вопроса окончательно, онъ былъ склоненъ думать, что сценическая игра въ юномъ возрастѣ вредна.

Въ высшей степени любопытно и отношеніе Пирогова къ университетамъ. Отношенія попечителя къ университету, при проектировавшемся тогда университетскомъ уставѣ, онъ опредѣлялъ такъ: „Если теперь коллегія пріобрѣтетъ автономію и получитъ право сноситься непосредственно съ министерствомъ, то роль попечителя опредѣлится сама собою, Онъ дѣлается контролеромъ безъ права на veto; правительство же, по указанію опыта, можетъ избрать и другую форму контроля. Это значеніе мнѣ кажется такъ очевиднымъ, что я не понимаю, какъ тѣ, которые столько заботятся объ автономіи, не хотятъ между тѣмъ отличить начальство отъ контроля“.

Въ этихъ университетахъ онъ видѣлъ не только высшія учебныя заведенія, не только спеціально научныя учрежденія, но и общественные органы, которые должны дѣлиться съ обществомъ въ популярной формѣ результатами своихъ научныхъ работъ, и въ этомъ смыслѣ онъ желалъ, только теперь начинающаго входить понемногу въ употребленіе, развитія публичныхъ общедоступныхъ лекцій. „Прямое назначеніе нашихъ университетовъ, — писалъ онъ, — это быть маяками, разливать свѣтъ на большія пространства и потому стоять высоко и свѣтить. У насъ никто болѣе самого университета не могъ бы развить общественное мнѣніе, еслибы онъ взялъ на себя обязанность разяснять обществу всѣ интересующіе его вопросы, которыхъ теперь не мало. Теперь, когда подняты и крестьянскій, и юриди-

ческой вопросы, и вопросъ о народномъ образованіи, университеты живымъ голосомъ могли бы распространять въ обществѣ болѣе здравыя понятія и болѣе убѣдительно, чѣмъ журналы и книги. Нужно увеличить вліяніе университетовъ и на гимназіи, это также усилитъ ихъ связь съ обществомъ. Я считаю, въ этомъ отношеніи, попечительскіе совѣты, педагогическіе институты и съѣзды учителей въ университетскихъ городахъ важнымъ шагомъ впередъ“.

Такова была его основная точка зрѣнія на роль университетовъ въ Россіи. Имъ было высказано множество отдѣльныхъ мнѣній и о частностяхъ университетской жизни, и эти мнѣнія развиваютъ тотъ же коренной его взглядъ. Въ журнальной статьѣ нѣтъ возможности коснуться основательно этихъ его воззрѣній, они задѣваютъ слишкомъ сложные вопросы, и мы позволимъ себѣ только назвать здѣсь двѣ главныя его статьи по этому предмету — „Университетскій вопросъ“ и „Взглядъ на общій уставъ нашихъ университетовъ“; обѣ статьи заслуживаютъ общаго и ближайшаго ознакомленія съ ними.

Изъ нѣкоторыхъ общихъ взглядовъ Пирогова, которые онъ проводилъ въ жизнь, слѣдуетъ отмѣтить также широкую терпимость и уваженіе къ различнаго рода національностямъ; но что особенно выдается въ Пироговѣ, какъ черта благороднаго общественнаго дѣятеля, такъ это стремленіе къ гласности. Онъ всегда широко знакомилъ общество и съ своими цѣлями, и съ удачами и неудачами своихъ практическихъ попытокъ, съ большимъ вниманіемъ относясь къ самымъ разнообразнымъ обсужденіямъ принятыхъ имъ мѣръ. Онъ самъ признавался, что нѣкоторыя изъ его стремленій трудно достижимы, что нѣтъ у него сотрудниковъ, достаточно подготовленныхъ, чтобы итти съ нимъ объ руку, и что въ русской дѣйствительности еще много элементовъ, враждебныхъ просвѣщенію. Тѣмъ не менѣе онъ считалъ необходимымъ,

при всей трудности, вводить въ жизнь свои задушевные взгляды. Могутъ найтись, конечно, и возраженія относительно нѣкоторыхъ принятыхъ имъ мѣръ или частныхъ его взглядовъ, но нельзя отказать ему въ томъ, что онъ обратилъ общее вниманіе на самыя коренныя условія нашей школы и взялъ на себя смѣлость открыто посмотриѣть правдѣ въ глаза; что онъ поставилъ на очередь цѣлый рядъ существеннѣйшихъ вопросовъ педагогической жизни, многіе изъ которыхъ и въ настоящее время продолжаютъ выдвигаться жизнью и ждутъ для себя разрѣшенія. Съ этими своими стремленіями и приемами осуществленія ихъ Пироговъ въ короткій срокъ службы успѣлъ стать понятнымъ своему Округу. Проводы Пирогова были трогательны, и прощаніе людей, работавшихъ съ нимъ, и общества было выраженіемъ единодушнаго и искренняго сожалѣнія.

Особенно ярко рисуютъ передъ нами гуманный образъ этого попечителя учебнаго округа, слова, которыми онъ заключилъ свое прощальное обращеніе къ студентамъ: „Итакъ, прощайте! Служите вѣрно наукѣ и правдѣ и живите такъ, чтобы состарѣвшись могли безупречно вспоминать вашу и уважать чужую молодость“.

А. Алферовъ.